

Е. Д. ПАНДА (Ленинград)

О ВЫРАЖЕНИИ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Система глагола в обско-угорских языках отличается своеобразием, которое обусловлено их агглютинативностью, обособленностью угорской подгруппы финно-угорских языков уральской семьи и весьма длительной изоляцией хантыйского и мансийского языков от ближайших родственников.

Специфичность обско-угорского глагола определяется 1) функционированием в языках «пассивных конструкций», 2) регулярной морфологической маркировкой субъекта и объекта действия в вербальных синтагмах. Семантико-функциональные проявления субъектного и объектного типов спряжения как формальных парадигматических характеристик глагола органически связаны со значением пассива и его ролью в актуализации субъектно-объектных отношений.¹ Названные проблемы рассматриваются в статье с учетом их морфологических и синтаксических параметров.

Объектом данной работы послужили лишь этапные и программные идеи венгерских ученых по интересующей теме. В оценке позиций венгерских лингвистов исходными посылками служат тезис о взаимосвязанности всех категориальных значений глагола; положение о специфической для обско-угорских языков оппозиции определенности : неопределенности (О : НО), пронизывающей систему глагола и имени. Конкретное выражение эти установки находят в трехэлементной схеме (см. таблицу). В результате анализа автор предлагает вариант интерпретации глагольных семантико-грамматических характеристик обско-угорских языков.

И. Буденц в первом сравнительном морфологическом исследовании по финно-угорским языкам (Budenz 1884—1894 : 314) поставил проблему происхождения объектного показателя *-l*, но не нашел верного ее решения (см. Liimola 1968 : 314).

Представляя глагольную систему северного хантыйского (Hunfalvy 1869; 1875) и кондинского мансийского (Hunfalvy 1864; 1872; 1873), П. Хунфальви проследил в ней корреляцию двух рядов спряжения — субъектного и субъектно-объектного (или объектного), никак, однако, не отметив в последнем детерминативность объекта. Глагол в субъектном спряжении, с его точки зрения, кроме наклонения, времени и числа, указывает на лицо субъекта; в объектном спряжении он обозначает

¹ Такой подход, в частности, отличает авторов монографии «Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого» (Ленинград 1974), в которой выражение залоговых отношений исследуется сквозь призму субъектно-объектных отношений, однако на материале других языков.

еще и объект (см. Hunfalvy 1872 : 71). Этим Хунфальви положил начало традиционной, бинарной классификации глагольной системы обско-угорских языков, которую многие ученые в дальнейшем использовали при рассмотрении в глагольной синтагме субъектно-объектных отношений как важнейшей морфолого-синтаксической характеристики угорских языков. Такой подход автоматически исключает причиненную и функциональную связь пассива с актуализацией субъектно-объектной реляции.

В результате оперативного противопоставления глагольных форм, выражающих направленное на объект действие и действие без такой направленности, Хунфальви выявил двучленную оппозицию в спряжении, что подтверждалось наличием двух подобных парадигм спряжения в венгерском, а также в ряде других языков агглютинативного строя. Упомянутая аналогия, впрочем, не помешала автору подметить и различия в маркировке объекта в объектной парадигме обско-угорских языков и венгерского: хантыйский и мансийский глагол в объектном спряжении указывает на лицо и число объекта, образуя полную парадигму, в венгерском же он может иметь показатели 2 л. объекта при субъекте в 1 л. ед. ч., а для указания на 1 и 3 л. объекта (без различия числа) специальных оформителей нет (Hunfalvy 1864 : 317; 1872 : 87). Вводя в рамки субъектного деривационного типа мансийского языка пассивную парадигму, Хунфальви не выделил никаких особенностей в употреблении страдательных глагольных форм; вычленив особый мансийский пассивный формант -w, он атрибутировал субъектному типу спряжения залоговую оппозицию в традициях универсальной грамматики.

Историческим приобретением финно-угроведения стала ранее отмеченная Хунфальви трехэлементная корреляция: формы личных местоимений, лично-притяжательные суффиксы имен, личные окончания глаголов по обоим рядам парадигм (Hunfalvy 1862 : 464—465). Впоследствии это соответствие стало отправной точкой для общепринятой концепции происхождения финитных глагольных формантов (см. Основы 1974 : 31; см. также Várczi 1963 : 27; Liimola 1968 : 314). Достоинство научного метода Хунфальви проявилось в его стремлении привлекать для доказательства параллели из близко- и дальнородственных языков и синтезировать полученные данные. Вместе с тем факт привлечения переводного материала для иллюстраций неминуемо обрекал автора на нестабильность выводов.

Специфику начального этапа в изучении проблемы можно усматривать таким образом в отсутствии системного подхода к грамматическим явлениям и изолированности в репрезентации языковых фактов.

Попытку систематизировать собранные им самим и предшественниками материалы предпринял Б. Мункачи (Munkácsi 1887—1890; 1891—1892; 1893; 1894; 1898), представив деривационные ряды глаголов и убедительные иллюстрации. Он развил предложенные Хунфальви таксономические характеристики, осложнил их введением принципа детерминативности объектного типа спряжения глагола, не приведя, однако, в соответствие с существенной для комплексного анализа субъектно-объектных отношений семантико-функциональной нагрузкой категории залога. Вслед за Хунфальви Мункачи рассматривает залоговую оппозицию актив:пассив как автономную — в пределах субъектной конъюгации — грамматическую подсистему, изображая ее в виде самостоятельных парадигм. Тем самым залоговые параметры он проводит по модели немецкого языка, формально детерминируя объектно-субъектную корреляцию залогом, но фактически лишь искажая действительную ситуацию наслоением значения пассива на сему субъектности. Достижением Мункачи является введение в систему субъектно-

объектных корреляций именной детерминативности, маркированной «сдвинутыми» значениями падежей, в частности инструментально-комитативным употреблением существительного для обозначения косвенного объекта и функционированием аккузативного форманта как показателя определенности объекта. Принципиальная заслуга его — развитие исторического и привлечение собственно семантического критериев интерпретации.

В том же русле рассматривали проблему объектного спряжения Д. Фокош (Fokos 1910—1911) и Й. Папай (Páray 1913), повторив и основные заблуждения своих предшественников.

Логическим следствием дискретного, схоластического рассмотрения отдельных категорий и формальных единиц глагольной системы стала возникшая на том этапе тенденция ограничивать в логико-лингвистическом аспекте парадигмы спряжения с релевантным признаком объектности/безобъектности ~ неопределенной объектности от категории залога с релевантным признаком активности/пассивности. Обратившись специально к истории возникновения объектного спряжения, Фокош и Папай присоединились к ранее высказанным идеям. Фокош уточняет предположение о воздействии посессивных суффиксов на личные окончания глаголов, мотивируя совпадения тех и других финитных позиций первоначальным тождеством. Он устанавливает первичное значение этого единого языкового явления как экспозицию отношения обладания в форме глагольного имени, осложненного лично-притяжательными суффиксами (Fokos 1910—1911 : 405—408).² По мнению Фокоша, относительно регулярный оформитель объектного типа спряжения (показатель объекта глагола) идентичен единично проявляющемуся маркеру обладаемого в притяжательной конструкции (показателю «объекта» имени).³ Этот общий объектный коэффициент восходит, предположительно, к личному местоимению 3 л. ед. ч. (Fokos 1910—1911 : 403). Возводимый к общеугорскому периоду элемент *-l* первоначально указывал на объект в 3 л. ед. ч.; впоследствии он сохранился как показатель объекта (независимо от его лица) в 1 и 2 л. обладателя, в 3 л. переоформился (возможно, под влиянием элемента *-t* посессивного суффикса 3 л. ед. ч.) в *-t*. Исходной фазой для угорского объектного оформителя *-l* Фокош называет финно-угорский показатель притяжательности **-s*.

В исследовании по фонетике и морфологии южнохантыйского диалекта С. Патканов и Д. Р. Фукс приводят традиционную двухъярусную схему грамматических глагольных оппозиций — субъектное:объектное спряжение, актив:пассив (Patkanov, Fuchs 1911 : 173).

Папай (Páray 1913) идет несколько дальше Фокоша: считая фактически идентичными притяжательные формы глагольных имен и глаголы в объектном спряжении, он развивает тезис о том, что образованное одним суффиксом в разных языках и даже в одном языке имя действия на ранних стадиях могло выступать в различных функциях, так как первоначально выразители действия, безотносительно к временному аспекту, выступали абсолютными глагольными основами, обозначая как *nomem actionis*, так и *nomem acti*. Темпоральные оформители в парадигмах спряжения образовались позже и представляют собой вторичные явления. Папай последовательно реконструирует глагольные формативы, пытаясь возвести их к некоторому архетипу. Тем не

² Ранее к подобному выводу пришел Г. Винклер (Winkler 1909 : 68—84), однако он понимал конструкцию с депозицией отношений обладания как инкорпорацию и считал глаголы в безобъектной парадигме образованными в большинстве случаев по такой же модели.

³ Как отмечает Буденц, в посессивных конструкциях этот *-l* является детерминативом, своего рода определенным артиклем (Budenz 1884—1894 : 315).

менее, как и Фокош, несмотря на стремление осветить проблему всесторонне, с учетом мнений других авторов, и предложив позитивное решение вопроса об объектно спряжения в историческом аспекте, он не сумел комплексно осветить систему субъектно-объектных отношений в силу формализма и атомизма научного метода.

В изучении пассива обско-угорских языков наметилось несколько линий. Исходными посылками послужили положения, отражающие функциональные характеристики страдательных форм мансийских и хантыйских глаголов: 1) употребление в пассиве непереходных глаголов; 2) соответствие субъекту (пациенсу) пассивного предложения как объекта, т. е. прямого дополнения, так и адвербиала, т. е. косвенного дополнения активного предложения; 3) отдельные случаи постановки имени-агенса пассивной конструкции в лативе.

Вторая особенность обско-угорского пассива впервые рассматривалась Д. Сабо (Szabó 1904), который изучал два случая использования пассивных конструкций. Первую группу образуют непереходные глаголы, осложненные показателем пассива, действие которых соотносимо с субъектом, имеющим окончание косвенного падежа: *lq̄tā|nē ań tē joxt̄q̄u'* (Szabó 1904 : 229) 'его лошадь идет за ним'. Ко второй группе относятся переходные глаголы с суффиксом пассива, направленные на субъект (подлежащее, являющееся пациенсом), снабженный суффиксом инструментала; их личное окончание обозначает «заинтересованное лицо» (т. е. косвенный объект): *jamēs tur̄él vār̄wās|em* (Szabó 1904 : 229) 'мне (для меня) играют красиво'. Сабо упоминает и другие варианты употребления пассивного глагола — для обозначения обобщенного неопределенного субъекта действия, отложительности, рефлексивности (Szabó 1904 : 230 и далее).

А. Лечи (Lőcsei 1930) рассматривает пассивные конструкции в том же направлении, что и Сабо, однако приходит к парадоксальному выводу о существовании в предложении с пассивным глаголом якобы двух субъектов — обобщенного или неопределенного, на который указывает суффикс пассива, и определенного, с которым соотносено личное окончание глагола. Из примеров (Lőcsei 1930 : 339) следует, что автор не дифференцирует явления логического и собственно грамматического уровней.

Третью характерную черту пассива в обско-угорских языках отметили Б. Мункачи (Munkácsi 1890—1894) и Э. Беке (Beke 1905), предложив исходно аблативное происхождение лативного форманта, впоследствии утратившего конечный согласный: *nél > nē(l) > nē*. Позже Беке высказал мнение, что показатель латива исконен (Beke 1915—1917 : 4—11).

Новую концепцию страдательного залога в обско-угорских языках выдвинул Э. Лавота (Lavotha 1960). Он предложил функциональный подход, отвергнув семасиологическую методику анализа и вульгаризаторскую психолого-социологическую доктрину. Лавота отметил особо важную в синтаксисе обско-угорских языков роль сказуемого, имея в виду его многофункциональность. Приняв во внимание, что сказуемое осуществляет все синтаксические связи, концентрируя в своей форме морфолого-синтаксические показатели субъектно-объектных отношений при неформальности «зависимых» имен, легко понять значение проблематики пассива и пассивных конструкций для интерпретации системы субъектно-объектных отношений. Таким образом, факт аккумуляции всех логико-грамматических характеристик основной синтаксической группы (субъект-предикат-объект) в сказуемом предопределяет возможность в известных случаях нулевого оформления как

субъекта, так и объекта (как показал Фокош (Fokos 1967 : 67—74), косвенное дополнение также может не быть морфологически оформленным при сказуемом). Вновь обратившись к специфическому употреблению пассива непереходных глаголов, он нашел необходимым пересмотреть все принципы анализа субъекта и объекта. Оспаривая точку зрения Мункачи и раннего Беке (см. Веке 1905), Лавота считает современное значение суффикса направительного падежа вторичным — производным от лативно-локативного, настаивает на том, что в пассивных конструкциях латив не указывает направление действия, но выражает одно из своих «обобщенных обстоятельственных значений» (?) (Lavotha 1960 : 11).

Употребление пассива, по мнению Лавоты, реализует возможность выделить пациенс и отодвинуть на задний план или вовсе скрыть агенс (Lavotha 1960 : 10). Невзирая на это, он считает актуальным вопрос о роли агенса в пассивных конструкциях, соглашаясь с П. Равила (1941 : 131—132) в понимании неразрывности субъекта и объекта, изначально представляющих собой единое целое — субъектно-объектную конструкцию. При этом автор рассматривает различные варианты реализации субъектно-объектных отношений в пассиве (корреляция субъекта и объекта с предикатом).

1. Пассив указывает на ситуацию, в которой не обозначается субъект (агенс) и которой соответствует в активном предложении отношение объект:предикат: *šāñān ta-kwoss kutilāwē* 'его мать напрасно спрашивает (о нем)'.

2. Пассив указывает на неопределенный или общий (обобщенный) субъект, значение которого развилось из нефиксированного субъекта действия (см. предыдущий случай): *āšék lūkēlpnēl, man sālī-kēlpnēl vārawē* 'кровяная колбаса из крови лошади или ~ оленя делается'.

3. Член предложения, выраженный абсолютной, номинативной формой, обозначает одновременно агенс и пациенс, т. е. в роли сказуемого глагол имеет рефлексивное значение⁴: *vitnē-ke pateuw: tōnā jol-ujtaweuw* 'если в воду упадем, то мы утонем'. Рефлексивное значение Лавота считает вторичным, производным от собственно пассива, так как исторически это более позднее грамматическое явление (ср. с противоположной точкой зрения Я. Гуи: «Прамансийский суффикс страдательного значения происходит от уральского словообразовательного суффикса возвратного значения» (Основы 1976 : 295)).

4. Пассив, образованный от непереходных глаголов и от тех переходных, которые управляют косвенными падежами зависимого имени: *āñ mōšnē aman sāṭpe, ḡōlas, aman ālumn iḡḡtaʿbes* 'эта Мос-женщина или без сознания была, или в сон была погружена'.

Известная часть примеров автора объяснима, по его мнению, только с помощью латинских аналогий, что, очевидно, надо понимать как косвенное указание на единство логико-психологических процессов в человеческом сознании и, в конечном счете, на принципиальное сходство синтаксических алгоритмов. Одной из возможных причин использования непереходных глаголов в пассиве Лавота называет оттенки лексического значения самих глаголов, диапазон их сочетаемости с зависимым словом.

Пытаясь найти общую мотивировку употребления нетипичных грамматических средств при образовании пассива, Лавота отмечает свое-

⁴ По способу действия глаголы типа *pōluñkwe — pōlāwēn* (2 л. ед. ч. пассива) 'замерзает' носят скорее инхоативный характер.

образный способ рассмотрения объекта в мансийском и хантыйском языках (см. Lavotha 1960 : 20).⁵ Тем не менее предложенные им предварительные варианты объяснения не решали большинство анализируемых конструкций, и это вынудило его искать новое решение задачи. Исходя из положения о том, что общим для сказуемых, выраженных глаголом в пассиве, является возможное сочетание их с именем в роли обстоятельства (т. е. косвенного дополнения), Лавота составляет оппозиции, где синтаксические конструкции с активным глаголом противопоставляются одному из двух типов словосочетаний с пассивным глаголом — а) объектной, б) адвербиальной синтагме. По его мнению, употребление пассива как в собственно объектных, так и в лативных конструкциях вызвано тем, что и прямое, и косвенное дополнение в равной мере указывают на конечный пункт действия, его направление; формальное различие глаголов в функции предиката в пассивном и активном залоге таким образом имеет семантическую обусловленность в противопоставлении соответственно направленности на конечный или исходный пункт действия. Лавота считает, что языковое чутье обских угров подсказывает выбор активной или пассивной формы глагола в зависимости от того, что надо подчеркнуть — агенса или цель, направление действия.

Итак, все исследователи концентрировали внимание не только на общих чертах, сближающих обско-угорские глагольные конструкции с аналогичным явлением в остальных родственных языках и языках других семей, но главным образом на своеобразии этих синтаксических единств в мансийском и хантыйском языках.

Сложность решения этих проблем связана, по нашему мнению, с многозначностью семантических параметров и способов реализации соответствующих глагольных парадигматических характеристик в различных типах синтагм. Давно известно (см., напр., Hunfalvy 1864), что объектная парадигма спряжения присуща многим языкам агглютинативного типа (среди уральских — угорским, мордовским, самодийским), качественно варьируясь от языка к языку. В пределах угорской подгруппы различия проявляются в комплексе грамматических характеристик — в венгерском объектном деривационном ряду в противоположность обско-угорскому отсутствуют оформители лица и числа объекта, а также показатели отношения субъекта к объекту: нет в венгерском и субъектной парадигмы (см. таблицу). Представляется, что для обско-угорских языков, как впрочем и для венгерского, не вполне отвечает действительному содержанию соответствующего понятия термин объектное спряжение⁶, так как наличие объекта в ситуации, выраженной вербальной синтагмой, — необходимое, но не достаточное условие для выбора формы, маркирующей объект (ср. Основы 1976 : 394—395; см. понимание видов определенности объекта: Чернецов, Чернецова 1936 : 35—36). Здесь признак определенности объекта находится в отношении дополненности к объектности глагола.

Синтаксические функции и смысловые характеристики пассивных конструкций обско-угорских языков проявляются четко лишь в сравнении с другими видами субъектно-объектных корреляций. Сопоставительный анализ их должен обнаружить комплекс дифференцирующих признаков всех типов глагольных конструкций, маркирующих объект и субъект, и привести их в систему. Е. И. Ромбандеева высказала пло-

⁵ Если конкретизировать этот тезис в плане грамматической соотнесенности субъекта и объекта по оппозиции О : НО, весь арсенал средств выражения субъектно-объектных корреляций предстанет более последовательным и универсальным.

⁶ Гуя, правда, применяет дефиницию «определенное спряжение» для обозначения объектного (Основы 1976 : 293, 296, 324, 327) и соответственно, «общее» для безобъектного спряжения (Основы 1976 : 293, 296, 320, 323 и т. д.).

дотворную идею о релевантности для системы субъектно-объектных отношений (в сфере имени и глагола) оппозиции О : НО как для объекта, так и для субъекта (напр., Ромбандеева 1979 : 113, 122). Исходя из этого, пассивное спряжение (или «залог») следует трактовать как депозицию определенности субъекта действия в противоположность безобъектному ряду, эксплицирующему неопределенность или отсутствие объекта, и объектной парадигме, маркированной признаком определенности объекта. Таким образом, введение понятий детерминированного объекта и субъекта в систему субъектно-объектных отношений преобразует традиционные независимые двучленные оппозиции в единую трехчленную, в которой органически присутствует и значение залоговости, понимаемой как специфическое выражение субъектно-объектной реляции. Безобъектная парадигма в зависимости от наличия или отсутствия в ситуации неопределенного объекта может передавать два варианта содержания — неопределенно-объектное и безобъектное. В традиционном (узком) смысле понимаемый залог здесь является выражением прямой координации логического и грамматического уровней высказывания (независимо от того, выражены ли лексически оба члена субъектно-объектной корреляции). Если же принять во внимание неактуальность депозиции объекта, его абсолютную грамматическую неоформленность в синтагме с глаголом в безобъектной парадигме, возникает предположение о том, что здесь субъектно-объектной корреляции фактически нет, и тем самым залог оказывается лишь относительно маркированным и скорее мог бы называться нейтральным, чем активным.

В определенных — объектном и субъектном — деривационных рядах дифференцирующей и доминантной характеристикой служат — в первом случае экспликация определенного объекта глагольными и именными (на уровне синтагмы) оформителями, во втором репрезентация определенного субъекта (также в форме глагола и имени). Чаще всего обязательное грамматическое оформление субъектности и соответственной объектности, реализуемое «внутриглагольно» (т. е. суффиксами и личными окончаниями глаголов), сопровождается факультативными именными суффиксами в нетипичной, «сдвинутой» функции (см. таблицу). Для обеих определенных глагольных парадигм актуальна информация и о втором, «второстепенном» члене субъектно-объектной синтагмы, что предопределено спецификой субъектного и объектного рядов парадигм: глаголы, реализующие субъектно-объектные отношения по модели одного из двух определенных типов, всегда двувалентны⁷, тогда как в безобъектной парадигме фигурируют глагольные формы, либо одновалентные по природе, либо исключающие выражение субъектно-объектной реляции окказионально, т. е. в данной ситуации проявляющие инертность к объекту.

В плане координации логического и грамматического уровней определенные объектный и субъектный типы конъюгации предстают в отношениях перекрестного (зеркального) соответствия: в первом субъектно-объектная корреляция актуализируется прямой координацией, во втором — обратной (см. таблицу).

В плане выражения все три типа реализации субъектно-объектных отношений проявляют морфологическую самостоятельность и независимость, что доказывается взаимным исключением их в параллельном употреблении. С другой стороны, в функционально-семантическом аспекте все члены этой триарной оппозиции связаны общностью грамматического содержания, проявляющейся в выражении субъектно-объект-

⁷ Под валентностью понимается здесь способность глагола фиксировать субъектно-объектные отношения.

Тип глагольной парадигмы	Детерминанта типа	Лексико-грамматическое оформление детерминанты	Морфологические маркеры			Координация залоговых позиций	Модели Координации
			а) детерминанты		б) косвенного определителя		
			1) регулярные — вербальные	2) спорадические — номинативные			
Безобъектный	объект 1) неопределенный 2) \emptyset	всегда неоформлен	\emptyset	\emptyset	показатели лица и числа субъекта	Агенса — подлежащее Пациенса — \emptyset или неопределенный	Прямая
Объектный	объект определенный	всегда оформлен в глаголе, факультативно — в имени	хант.: 3 л. ед. ч.: шур. <i>-te</i> каз. <i>-le</i> вах.-вас. <i>-l (-li)</i> 3 л. дв. ч. <i>-тын</i> манс.: <i>-l, -t</i>	хант.: творительный падеж (творительно-объектный) манс.: творительный падеж	показатели лица и числа субъекта	Агенса — подлежащее Пациенса — дополнение	Прямая
Субъектный	субъект определенный	всегда оформлен в глаголе, факультативно — в имени	хант.: гласный + <i>j</i> 3 л. дв. ч. <i>-arəp</i> 3 л. мн. ч. <i>-atət</i> манс.: <i>-w</i> (с различной огласовкой)	хант.: сдвинутые синтаксические значения манс.: неправительный падеж	показатели лица и числа объекта	Агенса — дополнение Пациенса — подлежащее	Обратная

ных реляций, которые составляют ядерную сему понятия залога (в широком смысле) (см. например, дефиницию залога: Ахманова 1966 : 152; Грамматика русского языка 1953 : 412; Гузев 1979 : 56).

Материал обско-угорских языков убедительно свидетельствует о том, что логико-грамматическая суперкатегория соотнесенности (реализующаяся в оппозиции О:НО), составляющая специфическую особенность, сквозную характеристику грамматического строя обско-угорских языков, находит довольно регулярное отражение в сфере глагола (для косвенного указания на детерминативность зависимого имени) и имени (для прямой детерминации). Помимо этих двух способов маркировки соотнесенности, в обско-угорских языках представлены и другие, вспомогательные, варианты актуализации оппозиции, О:НО, встречающиеся преимущественно в фольклорных мансийских текстах определенный артикль *ань* и неопределенный *-акв* (см. Ромбандеева 1966 : 347), применяемый, к примеру, в вах-васюганском наречии хантыйского языка указательный формант *-ti*, *-tj* (см. Терешкин 1974 : 72).

Если в сфере глагола оппозиция О:НО, акцентируя детерминативность субъекта или объекта, реализуется главным образом в формальных показателях, то в сфере имени функционирование этой оппозиции впрямую связано со сдвинутым значением некоторых падежей. Например:

1) (*taw*) *lōmωōjn tōwmasawes* 'он комаром был укушен' — т. н. пассивная конструкция: глагол в субъектном спряжении, обратная координация; (*taw*) — необязательный член, на него указывает глагольная форма; *lōmωōjn* — окончание латива (вместо комитатива) — номинативный показатель определенности субъекта (агенса); *tōwmasawes* — вербальный показатель определенности субъекта (агенса) и окончание 3 л. ед. ч. прошедшего вр. = показатель объекта (пациенса).

2) *ēkwa āpīte sup^{pl} jūntite* 'женщина своей дочке платье шьет'⁸ — т. н. активная конструкция: глагол в объектном спряжении, прямая координация; *ēkwa* — неопределенный субъект (агенс); *āpīte* — притяжательное окончание 3 л. ед. ч. = показатель определенности косвенного объекта; *sup^{pl}* — окончание комитатива (вместо аккузатива) = показатель определенности прямого объекта (пациенса); *jūntite* — окончание 3 л. ед. ч. настоящего времени = показатель субъекта (агенса), одновременно маркирующий определенность объекта (пациенса).

Следует отметить, что принципиальное различие вербальных и номинативных способов маркировки определенности субъекта и объекта состоит, помимо регулярности и устойчивости первых в противоположность факультативности и окказиональности вторых, в том, что в первом случае применяется как бы отраженный принцип оформления данной суперкатегории, а во втором — прямой. Для оформления, в частности, определенного прямого объекта нередко служит имя в аккузативе (см. анализ сходных явлений в венгерском (Основы 1976 : 385) и самодийских языках (Терещенко 1968 : 535; Доннер 1944 : 132—133). Ср. также несогласующуюся с аккузативным значением данного показателя точку зрения (Терешкин 1974 : 72).

Еще одно явление в грамматическом строе обско-угорских языков обнаруживает связь с суперкатегорией соотнесенности — система лично-притяжательных окончаний имени. Посессивная парадигма склонения существительного может, вероятно, расцениваться как своего рода актуализация определенности обладаемого (см. сопоставление глагольных и именных категорий, сопряженных с оппозицией О:НО — Основы

⁸ Примеры сообщены Е. И. Ромбандеевой.

1974 : 216; 1976 : 394). Для языков, в грамматическом строе которых нашла отражение определенность объекта, функционирующая в рамках т. н. объектного спряжения, предположительно характерна категория лично-притяжательности, выраженная существительным и местоимением.

К именным средствам оформления определенности можно отнести и указательное местоимение в хантыйском языке (Основы 1976 : 279).

Рассмотренные в статье грамматические явления с введением семантического коэффициента О:НО из свода поверхностно наблюдаемых разрозненных аномалий могли бы трансформироваться в систему строгих взаимосвязей и обнаружить общие закономерности (см. Гаджиева, Левитская, Тенишев 1981 : 206, а также Журавлев 1981 : 85). Типологическая характеристика обско-угорской системы субъектно-объектных отношений в том виде, как она предстает в отдельных работах венгерских лингвистов, при всем разнообразии освещенных аспектов и многоплановости научных принципов, не отличается достаточной последовательностью. К слабым сторонам этих исследований следует отнести 1) аморфность, нечеткость лингвистических представлений о тех или иных грамматических явлениях; 2) логические смещения в трактовке некоторых эмпирических данных, объясняемые немотивированными аналогиями с фактами других языков и, главным образом, 3) отсутствие комплексного подхода.

До сих пор нет такой обобщающей работы, в которой на основе всестороннего рассмотрения существующих по данному вопросу суждений была бы выработана единая целостная концепция.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О. С. 1966, Словарь лингвистических терминов, Москва.
 Гаджиева Н. З., Левитская Л. С., Тенишев Э. Р. 1981, Тюркские языки. — Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы, Москва.
 Грамматика русского языка I, Москва 1953.
 Гузев В. Г. 1979, Староосманский язык, Москва.
 Журавлев В. К. 1981, Славянские языки. — Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы, Москва.
 Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974.
 Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. Москва 1976.
 Ромбандеева Е. И. 1966, Мансийский язык. — Языки народов СССР III, Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 343—360.
 — 1979, Синтаксис мансийского (вогульского) языка, Москва.
 Терешкин Н. И. 1974, Система склонения в диалектах обско-угорских языков. — Склонение в палеоазиатских и самодийских языках, Ленинград, 67—77.
 Терещенко Н. М. 1968, Некоторые синтаксические особенности нганасанского языка. — CIFU II, 530—537.
 Чернецов В. Н., Чернецова И. Я. 1936, Краткий мансийско-русский словарь, Москва—Ленинград.
 Bárczi, G. 1963, Zum Sprachgeschehen der ungarischen Zeit. — CIFU I, 27—47.
 Beke, Ö. 1905, A vogul határozók. — NyK XXXV, 71—100, 165—193.
 — 1915—1917, Finnugor mondatani adalékok. — NyK XLIV, 1—34.
 Budenz, J. 1884—1894, Magyar-ugor összehasonlító alaktana, Budapest.
 Donner, K. 1944, Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Bearbeitet und herausgegeben von A. J. Joki, Helsinki (LSFU VIII).
 Fokos, D. 1910—1911, A vogul-osztják tárgyas igeragozásról. — NyK XL, 386—412.
 — 1967, A névragozás történetéből. — NyK LXIII.

- Hunfalvi, P. 1862, [Рец. на] Fogarasi J., A személyragok viszonyáról a birtokra és tárgyra a magyar nyelvben. — NyK I, 434—467.
- 1864, A vogul föld és nép, Pest.
- 1869, Osztják evangelium s az éjszaki osztják nyelv. — NyK VII, 403—419.
- 1872, A Kondai vogul nyelv (Máté Evangeliuma). — NyK IX, 1—194.
- 1873, A Kondai vogul nyelv (Márk evangeliuma). — NyK X, 177—324.
- 1875, Az északi osztják nyelv (NyK XI).
- Lavotha, Ö. 1960, Das Passiv in der wogulischen Sprache. — JSFOu LXII, 1—34.
- Liimola, M. 1968, Das *l* der objektiven Konjugation des Wogulischen. — CIFU II, 313—318.
- Lőcsei, A. 1928—1930, Északi-vogul mondattani kérdések. — NyK XLVII, 301—308, 321—364.
- Munkácsi, B. 1887—1890, A vogul nyelvjárások szóragozása. — NyK XXI, 321—400.
- 1891—1892, A vogul nyelvjárások szóragozása. — NyK XXII.
- 1893, A vogul nyelvjárások szóragozása. — NyK XXIII, 353—402.
- 1894, A vogul nyelvjárások szóragozása. — NyK XXIV, 6—30, 152—167, 306—333.
- 1898, Egy déli osztják hősének. — NyK XXVIII, 1—27.
- Pápay, J. 1913, Über die objektivkonjugation im nordostjakischen. — FUF XIII, 296—303.
- Patkanov, Sz. 1911, Laut- und Formenlehre des Südostjakischen. Bearbeitet von D. R. Fuchs, Budapest.
- Ravila, P. 1941, Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. — FUF XXVII, 1—136.
- Szabó, D. 1904, A vogul szóképzés. — NyK XXXIV, 55—74, 217—234, 417—457.
- Winkler, H. 1909, Der uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische, Berlin.

J. D. PANDA (Leningrad)

ON THE EXPRESSION OF SUBJECT-OBJECT RELATIONS IN THE OB-UGRIAN LANGUAGES

The article concerns a complex problem with regard to which there has never been unanimity of views in Hungarian Finno-Ugric studies. In reviewing this rather vexed question an attempt has been made by the author to reveal the general tendencies in the discussion of this topic bound up with the variability of the existing ways of solving the problem of Ob-Ugrian Passive Constructions. The relevant investigations of J. Budenz, P. Hunfalvy, B. Munkácsi, D. Fokos, J. Pápay, D. Szabó, A. Lőcsei, Ö. Lavotha have been examined.

Finally, the author proposes a common criterion of analysis and presents a coordinating scheme.